

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ФОРМИРОВАНИЯ УКЛОНЧИВОСТИ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

В тексте «Оды» Осипа Мандельштама содержится 148 словоформ имени существительного. Предполагается, что имена существительные являются одним из маркеров уклончивости поэтического текста. В представленном ниже списке перечислены все тематические группы и подгруппы существительных с указанием общего количества словоформ в тех и других.

Номинация личности (28): имена собственные (6): *Гомер, Прометей, Эсхил, Сталина, не Сталин, Джугашвили*; названия людей (22): *человечества, детворы, друзей, дружина, должник, свидетель, мудреца, чтеца, для*

близнеца, жнеца, художник (3), бойца (3), отца (3), народов, народ, народы (Гомер).

Внешность (21): общая номинация (1): *обличья*; рост (1): *в рост*; части тела (6): *кость, кисть, голов (2), рукою (2)*; части лица (9): *рта, для губ, веко, глаз, глаза, с глазами, глазами, брови (Р. п., ед. ч.), бровь*; свойства кожи (2): *морщинки, без морщин*; черты лица (1): *в чертах*; выраженные лица (общая номинация) (1): *выраженье*. Одежда (2): *в шинели, в картузе*.

Этические характеристики (8): *в дружбе, с дерзостью, добро, пощады, мужество, сурдинки, для чести, для доблести*. Речь (7): *в разговоре, речей, для похвалы, хвалу, имя, до клятвы, признанья*. Речь + правдивость, достоверность информации (3): *откровенность, искренность, правды*.

Эмоции, чувства и их проявления (8): *для радости, желчью, слезами, улыбкою (2), любви, несчастья, счастье*.

Интеллектуальная деятельность (3): *вниманья, мыслей, в сознаньи*. Результаты сопоставления/противопоставления (5): случайность и необходимость (1): *в случайностях*; часть и целое (1): *часть*; подобие (2): *сходство, сходства*; реальное/ирреальное (1): *чудо*.

Ощущения: качество и объекты (5): тактильные (1): *на твёрдость*; вкусовые (1): *горечь*; слуховые (1): *слух*; зрительные (свет) (1): *в свете*; зрение и запах (+ объект каналов восприятия) (1): *чада*.

Артефакты (9): постройки (1): *с трибуны*; сельскохозяйственные артефакты и объекты (4): *борозды, от плуга-исполина, гумно, копна*; печатная продукция (1): *в книгах*; область семиотики искусства (2): *рисунка, в искусстве*; общественные учреждения (1): *тюрьмы*.

Советские концепты (3): *недобором, иска, плана*. Советские мифологемы (4): *труда, борьбы, жатвы, октябрь (ленинский)*. Формы естественного существования и формы конвенционального взаимодействия (4): *жизнь, в играх, обычай, рукопожатий*.

Природные объекты (20): небесные светила (2): *до солнца, солнце*; атмосфера (1): *воздух*; ландшафт (11): рельеф местности (7): *холмы, в горах, с горы, гора, в бугры, бугры, равнина*; лес (3): *бором, через тайгу, лес*; море (1): *море*; полезные ископаемые, результаты их переработки (6): металл (2): *стали, медь*; уголь (4): *уголь (2), уголёк (2)*.

Общая номинация (2): *мира (2)*. Способ действия (общая номинация) или знак-икона (1): *образом*.

Категории пространства и времени (15): пространство (12): *линий, стрелкой, рамок, без конца, на просторе, на площади, путь, углы, уголок, близость, ось (2)*; время (3): *тысячелетье, грядущее, настоящее*.

Перечислим тематические группы существительных, в которых наиболее часто наблюдаются повторы лексем и однокоренные лексемы.

Многочисленные группы: внешность (12 словоформ из 21–57%): *голов (2), рукою (2), глаз, глаза, глазами, с глазами, брови, бровь, морщинки, без морщин*; номинация личности: названия людей (12 словоформ из 22–54,5%): *художник (3), бойца (3), отца (3), народ (2), народов (1)*; природ-

ные объекты (11 словоформ из 20 — 55%): *солнце, до солнца, бугры, в бугры, гора, с горы, в горах, уголь* (2), *уголёк* (2).

Малочисленные группы: общая номинация (2 из 2-х — 100%): *мира* (2); эмоции, чувства и их проявления (4 из 8 — 50%): *улыбкою* (2), *счастье, несчастье*; результаты сопоставления / противопоставления: подобие (2 из 5 — 40%): *сходство, сходства*; категории пространства и времени: пространство (4 из 12 — 33%): *ось* (2), *углы, уголок*.

Однокоренные слова могут входить в состав разных групп: *рукою* (3) — *рукопожатий* (1); *для близнеца* — *близость*; *жнеца* — *жатвы*.

В тексте стихотворения копируется 17 лексем-существительных, которые реализуются в 41 словоформе: 11 лексем повторяются 2 раза (8: *уголь, уголёк, ось, мира, Сталин, голов, рукою, улыбкою* — в идентичных словоформах; 3: *бровь, сходство, бугры* — в разных словоформах); 5 лексем повторяются 3 раза (*художник, бойца, отца* — в идентичных словоформах; *народ, гора* — в разных словоформах); 1 лексема (*глаз*) повторяется 4 раза в разных словоформах.

Кроме того, 16 лексем образуют 8 однокоренных пар (*уголь* — *уголёк*; *углы* — *уголок*; *для похвалы* — *хвалу*; *Сталин* — *стали*; *рукою* — *рукопожатий*; *для близнеца* — *близость*; *счастье* — *несчастья*; *жнеца* — *жатвы*). Поскольку среди этих пар есть 4 лексемы, реализующиеся в повторяющихся словоформах (*уголь, уголёк, Сталин, рукою*), то в однокоренных парах присутствует всего 20 словоформ, но только 12 из них не повторяются в тексте стиха.

Значит, из 148 словоформ существительных 53 словоформы (41+12) имеют идентичное или однокоренное соответствие, что составляет более одной трети всех существительных (36%). Самых же существительных в тексте стихотворения в 3 раза больше, чем прилагательных и в 1,7 раза больше, чем личных форм глаголов. Но даже самая частотная из трёх названных знаменательных частей речи оказывается на треть ограниченной в лексико-семантическом разнообразии, что увеличивает клишированность текста стихотворения и обедняет его смысловую составляющую. Повторы подобного рода, не являющиеся инструментом суггестии, не формирующие лексический параллелизм (исключение — первая строка каждого четверостишия третьей строфы), снижают лексико-семантическую неопределённость поэтического текста, что может, с одной стороны, свидетельствовать о вынужденности авторского речепроизводства, а с другой стороны, препятствует привнесению читателем личностного смысла в семантику стиха.

Если же смоделировать такое состояние текста, при котором исчезают идентичные и однокоренные словоформы и остаётся только одна из соответствующих словоформ, то общее количество словоформ-существительных сократится до 116, то есть почти на 1/5 (на 22 %).

Уклончивость текста проявляется и в лексико-семантических оппозициях по гиперсемам тех словоформ, которые входят в одну тематиче-

скую группу или подгруппу (далее в тексте их названия берутся в кавычки). В группе «природные объекты» содержится больше всего названий разного рода возвышенностей (6) и полезных ископаемых, что ассоциативно связано не только с малой родиной и именем объекта описания, но и с местом в социальной иерархии (*он свесился с трибуны, как с горы*), с социальной и культурной изолированностью объекта описания. Две трети словоформ (4 из 6: *уголь 2, уголёк 2*) в подгруппе «полезные ископаемые» обозначают предмет, являющийся символами как горения, активности, так и уничтожения. Одна из двух словоформ подгруппы «металлы» — производящая псевдонима (*стали*); вторая в составе словосочетания формирует оксюморон (*признанья медь*), поддерживаемый предыдущим контекстом: *Весь — откровенность, весь — признанья медь* (вспомним: *медные трубы славы*). Последнее сводит на нет символику имени: твёрдость и цельность личности представляются несовместимыми с жаждой лести и фальшью *откровенности*. Так формируются оппозиции желаемого и реального, декларируемого и сущностного.

Более того, в тексте стиха формируется оппозиция имён собственных: три из них имеют мировое культурное значение (*Прометей, Эсхил, Гомер*), заметим, что огонь, трагедия и эпос могут восприниматься как символы времени написания стихотворения. А вот главный символ эпохи — имя объекта описания — вопреки жанру «Оды» прямо отрицается в тексте и нивелируется родовым именем: *Хочу назвать его не Сталин — Джугашвили*.

Отрицание присутствует в тематической группе «эмоции, чувства и их проявления». Для номинации положительного служат 5 словоформ, отрицательного — 3 словоформы; в каждом случае по 2 словоформы называют «внешние проявления»: *улыбкою (2) — желчью, слезами*. Даже ближайшие контексты большинства положительных номинаций свидетельствуют об их уклончивости (понятие *счастье* патологически опредмечивается; *улыбка* оказывается не знаком-индексом эмоционального состояния, а средством ограничения и коррекции): *Ворочается счастье стержневое. // И мужество улыбкою связал / И развязал в ненапряженном свете*. Семантика словоформы *любовь* стирается перенасыщенностью ряда однородных членов и тавтологией демагогического высказывания: *Правдивей правды нет, чем искренность бойца. / Для чести и любви, для доблести и стали*. Заметим, что в проведенном эксперименте, где на первом этапе в четвёртой от конца стихотворения строке, а на втором этапе в последнем четверостишии последней строфы было пропущено слово *искренность*, именно его вписали лишь 9 человек из 185 (приблизительно двадцатая часть реципиентов). И только отрицательные номинации прямо называют переживания лирического героя или свидетельствуют о самоощущениях общества: *Пусть не насыщен я и желчью и слезами. // Несчастья скроют ли большого плана часть*.

То же наблюдается и в тематической группе «ощущения...»: из пяти номинаций качества и объектов ощущений три словоформы связаны с отрицательной оценкой: *горечь (тюрьмы)*, *на твёрдость (рта — отца речей упрямых)*, *(в случайностях их) чада*; одна — в качестве изолированной — нейтральна, а в контексте амбивалентна: *И зоркий слух, не терпящий сурдинки*. Утрированная идея бдительности поддерживается синестетической метафорой, формирующей икону-диаграмму.

Номинаций пространства в 4 раза больше, чем номинаций времени (12 и 3). Более половины словоформ существительных, называющих пространство (8 из 12), функционируют в контекстах, формирующих отрицательную оценку либо с помощью определяющего слова: *(хитрые) углы*, *(гремучих) линий*, *(на шестиклетьвенном) просторе*; либо с помощью указаний на чрезмерность, снятия разумных количественных ограничений: *(из миллиона) рамок*, *(в разговоре, который начался и длится) без конца*; гиперболизации субъектно-объектных отношений: *(почувствуй мир) близость*, *(сдвинул мир) ось*. Достоверность информации снижается введением канцеляризмов: *стрелкой (указать)*. Номинации времени относятся к настоящему (*Чтоб настоящее в чертах отозвалось*), будущему (*Само грядущее — дружина мудреца*) или являются гиперболизацией отрезка времени, создающей иллюзию вечности (*Всё молоджавое его тысячелетье*), которая, тем не менее, отрицается в последней строке стиха (... и мы его застали), где лексическая семантика глагола поддерживается грамматической семантикой прошедшего времени. Символично, что в ряду общих номинаций (*настоящее — грядущее*) нет номинации прошлого: *моложавое тысячелетье* как будто зачёркивает, игнорирует сформированную усилиями предшествующих поколений социокультурную базу.

Уклончивость проявляется и при создании оппозиции прагматическое — эстетическое. Сомнительна и нарочитая гиперболизация (*До солнца борозды от плуга-исполина*), и антропоморфическая метафора (*И каждое гумно, и каждая копна / Сильна, убориста, умна...*). В то же время невозможна ироническая интерпретация описания творческого процесса и его результатов (*Для радости рисунка непреложной, ... // В искусстве с дерзостью граница, ...//Но в книгах ласковых ...*).

В самой многочисленной тематической группе «номинация личности» наиболее частотные словоформы, повторяющиеся по три раза, во-первых, образуют оппозицию по признаку 'характер деятельности': создание — разрушение (*художник — бойца*), чем и обусловлена возможность перевёртыша (*Художник, береги и охраняй бойца*), а во вторых, отсылают к устойчивому словосочетанию (*отец — народ / народов*). Таким образом, лексико-семантические оппозиции и количественное распределение словоформ существительных в разных тематических группах и в пределах одной тематической группы, свидетельствуют том, что даже фрагмент лексической структуры может стать инструментом создания уклончивости поэтического текста.